

18+

АРТЕМИЙ ЛЕОНТЬЕВ

ПОСЛЕ ПРОЧТЕНИЯ СЖЕЧЬ

Rideró

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Артемий Леонтьев

После прочтения сжечь

«Издательские решения»

Леонтьев А.

После прочтения сжечь / А. Леонтьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565620-9

В сборнике описаны самые разные люди в своих непростых отношениях друг с другом. Здесь и вдова, которая в молодости приехала из уральской провинции на заработки в Ленинград, и юный успешный блогер, и стареющий отец-одиночка; здесь и предприимчивая особа, урвавшая большой куш в лице богатого пожилого человека, и интеллигент-затворник в схватке с навалившейся на него рутиной посёлка. Драмы отцов и детей, «маленького» и «лишнего» человека, мечты о «шинели» и стремление к истинному счастью. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-565620-9

© Леонтьев А.
© Издательские решения

Содержание

Археология одиночества	6
Stabat Mater Dolorosa	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

После прочтения сжечь

Артемий Леонтьев

© Артемий Леонтьев, 2022

ISBN 978-5-0056-5620-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Археология одиночества

В этом году Розе Белозерской исполнилось пятьдесят – ухоженная женщина с холёной кожей и свежим подвижным лицом никогда не курившего человека выглядела не столько на свои годы, сколько на собственное желание восприниматься хотя бы тридцатидевятилетней. Если у неё случайно завязывался диалог с кем-нибудь из женщин, она говорила, что ей сорок четыре, а с мужчинами – с мужчинами давно уже не приходилось ни кокетливо лукавить, насчёт своего возраста, ни загадочно отмалчиваться, их Роза просто не впускала в свою жизнь: то ли держалась за память по умершему от рака мужу, Андрею, её первому и единственному мужчине, то ли просто не видела достойного человека, чтобы попробовать начать с ним что-то новое. Всё познаётся в сравнении, а окружающие представители мужского племени, которые были в поле зрения, не перешибали в ней чувств к умершему супругу – память о нём была всё так же свежа, как запах его старой одежды в шкафу, так же зрима и осязаема, как совместно нажитые за время двадцатипятилетнего брака толстощёкие и румяные книги с пыльными переплётами, с такими же уставшими и потрёпанными корешками, какой себя ощущала одинокая женщина. Как следствие, было совершенно не понятно, ради кого молодится Роза, если избегает знакомств и только изредка видится с некоторыми из своих старых подруг.

О муже в квартире напоминало всё – посуда, мебель, одежда, сам ремонт, давно сделанный совместными усилиями, так что каждая морщинка обоев на стене напоминала ей о двух молодых и счастливых людях, измазанных краской, смешливых и влюблённых, о мужчине и женщине с газетными пирамидками на головах, о том, как много лет назад размахивали здесь липкими кисточками, приклеивали бумажные полосы обоев к стенам, пытаясь благоустроить маленький и тихий мир квадратных метров своей робкой любви в пугающе бездонном и необъятном мире – они с хохотом роняли эти шелестящие листы на себя, целовались, подхватывали, старательно прижимали к стене, прикрывая наготу собственного пристанища, стремясь сделать его более надёжным и обжитым: из-за следов штукатурки и краски на лицах они напоминали двух счастливых детей, измазавших себя талым мороженым. В те дни ленинградская квартира, принадлежавшая за время своей бытности столь многим, прошедшая революцию и блокаду, обретала своих новых хозяев, а хозяева обретали её. Здесь начиналась новая жизнь, опускались в землю молодые корни. Наверное, только сейчас Роза в полной мере понимала: тогда, когда они с мужем кадили здесь кисточками, банками и вёдрами, размахивая всем этим, как священники, они делали нечто большее, чем просто капитальный ремонт, они производили некое таинство освящения этих квадратных метров, их благословения для того, чтобы в будущем слиться с этим пространством и превратить его в нечто неотделимое от их с мужем общей судьбы. В полной мере квартира открылась перед своей хозяйкой только сейчас, сбросила с себя покров, всегда делавший жильё лишь фоном. Теперь же стало очевидно: она не фон, не декорации к жизни, а хронос и топос мира супругов Белозерских, нечто почти одушевлённое.

После смерти Андрея его тапки продолжали стоять рядом с кроватью, на полке в ванной – его зубная щётка, рядом – бритвенный станок и лохматый помазок, даже на кухне стеклянная банка растворимого кофе, купленного им, когда он в последний раз ходил в магазин: кофе оставалось на донышке, может быть, чашек на пять – со смерти мужа прошло чуть больше года, но Роза так и не опустошила её до конца, как будто специально перешла в последний момент на пакетированный чай, чтобы сохранить не столько банку, сколько иллюзию присутствия любимого мужчины, который не похоронен, он только вышел на балкон покурить или уехал в командировку. Даже на кресле в гостиной до сих пор висели его футболка и шорты, в которых он ходил по дому – поначалу Роза прибралась после похорон, а когда утром одна проснулась в постели, вышла в другую комнату и увидела эти пугающе пустые, невыносимо

прибранные кресла, какую-то безжизненно-опрятную и лишённую следов квартиру, у неё случилась истерика, после чего разбросала по дому некоторые вещи Андрея, чтобы ощущать квартиру живой, а себя не такой одинокой. Вот уже больше года на журнальном столике лежала недочитанная им книга с закладкой на 199 странице, на кресле – шорты с футболкой, на подоконнике пачка сигарет и чугунная пепельница в виде большой рыбины, раскрывшей огромную пасть с горстью пепла, перемешанного с пылью и поросшего паутиной.

Безусловно, у каждой квартиры, как и у всякого человека, есть своя история, которая выражает себя через миллион деталей и частностей, вот и квартира Белозерских в какой-то момент заговорила, рассказывая Розе свою историю. Только сегодня утром женщина разглядела на стене проступающие под обоями очертания печки-буржуйки, вернее, её основания – то место, где она когда-то стояла прислонённая к стене. От этих очертаний печи повеяло блокадным холодом и голодом, душераздирающим и безысходным, мучительным. Роза не могла понять, как и почему не увидела этот выпуклый прямоугольник скорби в то время, пока они с Андреем обклеивали комнату обоями. Обнаружив на стене эти линии сегодня утром, зримо представила у несуществующей ныне печи перепуганных, уставших людей, измученных историей и её потрясениями; Роза увидела, как они жались здесь друг к другу, ища объедки перепадавшего им уюта, тепла и жизни. Наверное, была слишком счастлива тогда, чтобы замечать следы чужого несчастья, тем более такие туманные и косвенные. А подняв глаза к потолку, Белозерская остановила взгляд на лепнине XIX-го века – печати тех времён, когда их с Андреем квартира была лишь одной из многих комнат какой-то очень богатой и сытой семьи. Лепнину, само собой, Роза видела, но как-то не «прислушивалась» к ней и не анализировала, поэтому только недавно стала соотносить её с Российской империей и той дворянской или купеческой семьёй, что жила здесь до революции. Раньше она смотрела на потолочную лепнину, только как на лепнину, а сейчас, как – на историю: женщина стала восприимчива, она вслушивалась в окружающее пространство, всматривалась в черты своего уходящего мира так, как всматриваются в черты лица того, с кем приходится расставаться, вопреки желанию быть вместе. Нет, Роза не чувствовала себя старухой и не готовилась к смерти, просто как-то отчётливо осознала, что её жизненная история завершилась с того самого момента, когда все зеркала квартиры занавесило чёрной тканью, а в центре гостиной появился гроб с Андреем. Теперь здесь нет ни чёрной драпировки, ни гроба, но всё то, что тогда было привнесено в её жизнь и квартиру, прочно поселилось здесь, пустило корни и обосновалось навеки.

В прихожей на оленьих рогах висели кепка-пролетарка и его вязанная шапка с шерстяным шарфом: впотьмах, когда Роза только входила в квартиру, они напоминали развалившегося на вешалке кота. Женщина не стирала все эти вещи, не отдавала дорогую для сердца, привычную, почти сросшуюся с её миром одежду в химчистку, мало того, упаковала его штаны и верхнюю одежду, некоторые сорочки и футболки в полиэтилен, чтобы сохранить запах любимого человека, пытаясь мумифицировать его дух, который она время от времени вскрывала, как консервы: достав из шкафа вещи мужа, стягивала с них полиэтилен и устраивала себе ностальгический пир запахов и ретроспективных ассоциаций, раскладывая всё это на брачном ложе из массива дуба – на старой громоздкой кровати, доставшейся от свекрови. Тяжеловесная и монументальная эта кровать стояла в спальне с того самого дня, как они с мужем сюда въехали, сначала жидилась здесь так, как в порту на якоре стоит стройная шхуна, свежескрашенная и крепко сбитая, нетерпеливая, с весёлым поджарым скрипом, напоминавшим хруст молодых косточек и сухожилий, в любой момент готовая сорваться с места и устремиться в неизведанную, а потому так сильно намагниченную новью фиолетовых горизонтов, томных закатов и нежно-розовых рассветов; этот семейный корабль, сумевший так много пройти и по петляющим руслам рек и по открытым морям их личной жизни, преодолевший не один шторм и не единожды садившийся на мель, неизменно прорывался вперёд без течи и пробоин, менялся вместе с супругами, он изнашивался и стирался так же, как изнаши-

валась и стиралась их страсть, их жизнь, но не любовь друг к другу; это без конца стареющее судно, как бы навеки вечные связало своей кормой двух людей, отправившихся в кругосветное путешествие с тех самых пор, как расписались в ЗАГСе и венчались в церкви. И вот теперь эта уставшая посуда бросила якорь, она тяжеломерно и лениво покачивалась на размеренных волнах – в ней до сих пор ощущалась жизненная сила и энергия, но было и другое: какая-то тоскливая обречённость... Роза не могла привести в дом нового мужчину, даже вообразить было трудно, как можно лечь на этот семейный корабль из массива старого дуба с другим человеком, ведь скрипучая эта кровать нечто значительно большее, чем просто предмет мебели или интерьера, так же и книги были не вещами, скорее, сгустками воспоминаний, призраками прошлого, слившимися воедино, как озёрная застоявшаяся вода с цепким и тягучим туманом над ней.

Женщина разложила на кровати твидовый костюм-тройку, который до сих пор производил солидное впечатление – свадебный костюм мужа. Андрей купил его с тем расчётом, чтобы носить в дальнейшем по особо торжественным случаям, но так сложилось, что за нехваткой этих самых случаев, стал надевать всякий раз, когда уходил в очередной день своей повседневности. Сильнее всего были изношены брюки и пиджак, правда, вследствие этого они выглядели только лучше, как-то одушевлёнее, тогда как жилетка хоть и светилась новизной, пусть несколько выцветшей и чуть полинялой, но всё-таки новизной – её всё равно как будто не столько время тронуло, пометив своим клеймом, сколько окатило раз каким-то очень крутым кипятком, оставив на ней белёсый оттенок прошлого, который совершенно стёрся с брюк и пиджака. Добротное шерстяное сукно хорошей выделки, как и натуральная кожа, от непрерывной носки только выигрывают, делаются благороднее, словно выдержанное вино, вот и с костюмом покойного мужа была та же история: разве что заплатки на брюках несколько портят их почтенный вид – одна между ног и ещё две на коленках.

Особенно хорошо держала запах мужа кожаная куртка с подкладкой: изношенная до глубоких трещин и стёртая на локтях почти до дыр, хрустящая и шершавая, точно кусок чёрствого хлеба, она напоминала восковой слепок, взятый с Андрея – финская куртка (купленная, впрочем, в Эстонии, а если точнее, в Эстонской ССР, куда ездили на Новый год) относилась к категории «вечных» вещей, которые можно было считать никогда не выходящими из моды, в ней каким-то неведомым образом сквозил и гонорок пацанской щеголеватости и, одновременно с тем, что-то брутально-почтенное; куртка отлично сочеталась как с деловым костюмом, так и с рабочей робой, спортивными штанами или джинсами, за что и ценилась Андреем особо, отчего он практически не снимал её. Роза практически не отделяла эту куртку от тела своего любимого человека, и не была в этом ощущении одинока: свекровь предлагала похоронить своего сына именно в ней, но Роза воспротивилась – не захотела лишать себя, возможно, самой важной вещи своего священного фетиша. Данный предмет воспринимался осязаемо теплокровным и дышащим, всякий раз женщина всматривалась в него, да и в остальные свои распелёнатые сокровища, как в зеркальное отражение, то ли силясь понять что-то о себе самой и своей жизни, то ли действительно с таким маниакальным усердием вспоминая своего первого и единственного. Глядя на неё со стороны во время этих церемоний с одеждой умершего супруга, можно было подумать, что Роза осуществляет некий религиозный обряд: так чинно и сосредоточено она держала себя, так торжественно возвышалась на своём капище, как-то даже по-жречески.

Женщина ничего не могла с собой поделаться, но в небольшой петербургской двухкомнатной квартирке третьего этажа, где прошла большая часть жизни Розы после её переезда с Урала, воспоминания цеплялись именно за предметы, за вещи интерьера и одежду, так что жилище невольно превратилось в музей, посвящённый любимому мужчине. Она тенью слонялась по этой кладовой памяти, являясь единственной её хранительницей, где дубовый ковчег брачного ложа и старые книги, штормы, купленные на оловянную свадьбу, узбекский ковёр

на полу, похожий на пёструю цветовую галлюцинацию, парные снимки на ореховом комод, подаренные на 8-марта серьги с маленькими изумрудами, малахитовая статуэтка слона, привезённого из Индии, фигурка домового, вырезанная суздальским мастером из липы, или серебряное кольцо с бирюзой – всё было напрямую связано с мужем, всё было вещественным наследием их любви, морской пеной их прошлого. Даже магнетики на холодильнике воспринимались как карта их отношений, которые Роза всегда рассматривала в хронологическом порядке: керамический «Выборг» с пузатой башней (их первая совместная поездка, самый старый магнетик с отколотым уголком); магнит «Гантиади» напоминал о медовом месяце, который, впрочем, продлился только десять дней – тогда в 80-ые её даже после Ленинграда поразило, насколько хорошо жили абхазы, кормясь за счёт аренды своих квартир и «кукольных» домиков из фанеры, за счёт продажи мандарин, которые росли щедрее и настойчивее, чем на уральской родине Розы сорняки с крапивой; все эти холёные и сытые мужчины беззаботно разъезжали на белых жигулях, восседали в ресторанах, попивая вино и проворачивая свои торгашеские дележки с видом доморощенных падишахов – Роза невольно сравнивала эту жизнь с тем миром, из какого уехала лимитчицей в Ленинград, вспоминала, как на Урале выживали до замужества своей семьёй, как ходили в магазин с пустыми прилавками, получали по талонам кусок сливочного масла и несли его, держа обеими руками, словно младенца; магнетик «Анапа» напоминал о том, как сильно оба сгорели тогда, мазали друг друга сметаной и корчились от боли во время занятий любовью, стараясь во время близости, по возможности, не соприкоснуться телами. «Псков» и «Великий Новгород» – на два этих города у них была всего лишь неделя, а оказалось, что на один только Новгород нужно по меньшей мере дней шесть, чтобы успеть увидеть всё самое важное: древние церкви, монастыри, фрески, мастерские и выставки. Потом очень хотела вернуться, чтобы наверстать то, что не успели, но как-то не сложилось, эта поездка так и осталась незаконченной.

Дальше следовали все магнетики с городами Золотого кольца, потом у них с мужем началась страсть к горам и они объездили весь Кавказ, Алтай, Кольский полуостров, Урал (Роза часто вспоминала ночёвки в спальниках, пробуждения ясной головы, ошалевшей от свежего горного воздуха, который буквально ошпаривал своей льдистой чистотой, когда ты вылезал из палатки и не верил глазам, потому что не может-не может быть такой красоты, а всё-таки она есть); после чего, в среднем раз в год, на холодильнике один за другим появлялись магнетики «Финляндия», «Калининград», «Литва», «Польша», «Латвия», «Венеция», «Прага», «Берлин», позднее начались финансовые трудности, магнетики стали украшать их жизнь реже, иногда раз в два, а то и в три года, зато теперь Роза прилепляла их к холодильнику с ещё большим смаком, чем раньше, даже с какой-то торжественностью – так разбивают бутылку шампанского о корпус спущенной на воду лодки. «Бельгия», «Франция», «Португалия», «Ирландия», «Шотландия», «Исландия», «Мексика», «Индия», «Катманду», «Петропавловск-Камчатский», «Каир», «Тель-Авив», «Мадрид», «Байкал», «Сицилия», «Узбекистан» – каждый магнетик невольно становился замочной скважиной, через которую Роза заглядывала в их прошлую поездку и во все те эмоции, что были связаны с ней. Стояла перед холодильником, как Александр II, вззирающий на карту Российской империи до продажи Аляски: казалось, что перед ней необъятный, совершенно феноменальный мир – их с Андреем семейное царство.

Книги не являлись исключением: есть написанные в соавторстве, а есть те, которые прочитаны вдвоём, таковой была почти вся их семейная библиотека. Их книги исследовались совместно, первопроходцем была Роза, она делала карандашные пометки, плюсами и восклицательными знаками помечая самое значительное, яркое и необыкновенное, вызвавшее самые сильные эмоции и впечатления, а минусами – то, что не стоило брать во внимание, и только после этого «естественного отбора», как его называл муж, за книгу брался Андрей, ступая след в след – он читал только те вещи, что в содержании пометила для него жена, полностью доверяя её вкусу. Часто супруг дополнял на полях её плюсы, минусы, восклицательные знаки и вопросы

своими краткими замечаниями, поэтому, чем интереснее и важнее для них обоим была книга, тем больше в ней оставалось карандашных следов, иногда казалось, что такие книги – самые драгоценные, они тщательно изрыты ими, и как-то даже отяжелели от испещрившей их карандашной клинописи. Каждый из супругов видел что-нибудь такое, чего не замечал другой, таким образом, два человека превращались в идеального и очень внимательного читателя. Складываясь в своём восприятии литературы в общую копилку впечатлений и осмыслений, они ещё теснее связывались в единое целое, скрепляясь в том, в чём их ещё не скрепила общая телесность постели и каждая новая ночь, проведённая в ней. Роза воспринимала книги, как символ их душевной близости, а вековую кровать из дуба, как символ близости чувственной: сейчас, когда после смерти мужа прошло чуть больше года, этот дуализм её одинокого интерьера становился особенно невыносимым. Обращаясь к воспоминаниям, она снова и снова проходила в своём воображении проторенными тропами собственной прожитой жизни, делая это с безнадежным отчаянием, так, как если бы прошлое было единственно возможным для неё направлением – так всплывает на поверхность воды тот, кому не хватает воздуха.

Самые истрёпанные, лохматые и грузные книги – те, которым хотя бы однажды признались в любви – в них всегда остаются собранные в густой осадок впечатления благодарного читателя, который однажды вошёл в эту книгу, как в реку, и преобразился в ней. Такая книга всегда отличается от просто прочитанной и уж тем более от новой, ещё нетронутой человеческими эмоциями и прикосновениями. Возможно, именно поэтому после смерти мужа женщина практически перестала читать, а если и подходила к книжным полкам и брала что-нибудь, то только листала, не углубляясь, а как-то больше перебирая и оттряхивая, пристально вглядываясь в карандашные пометки на полях: женщина, будто археолог, перебирала это своё припорошенное вечностью богатство – усердная и отстранённая, казалось, она погружалась на достигаемую лишь ей одной глубину. Книги были для них обоим возможностью преодолеть обыденность: счастливые в своей взаимной любви и такой уютной, такой просторной близости друг с другом, всё же ни Роза, ни её муж не могли быть удовлетворены своей жизнью, во-первых, потому что их брак оказался бездетным, а во-вторых, большую часть своей жизни они отдавали нелюбимой работе, куда ходили пять дней в неделю, двадцать дней в месяце: она трудилась в бухгалтерии, он – одно время водителем, потом электриком в порту. Книги стали для них тем пространством, в котором торжествовало самое задушевное и сакральное, самое глубинное и яркое, способное компенсировать всё то, чего жизнь как будто не додала им обоим – в книгах, таким образом, торжествовала не только их мысленная, но и пространственная свобода.

Не единожды Роза убеждалась в том, что большинство людей, объездивших множество стран, не вынесло из этих поездок даже самой малой щепотки «соли» – чаще всего в разговорах с ними, в весёлом и чуть хвастливом огоньке их глаз пронизательная женщина находила лишь скомканное и пустопорожнее, очень поверхностное, что-то исключительно суетливое и лишь зрительное, взбаламученное однажды и в раз осевшее тиной – в большинстве случаев речь шла о формальности присутствия в новом месте. Только иногда она ощущала в человеке, совершившем поездку, определённое преобразование, нечто свежеиспечённое, постигнутое и новообретённое в пути: дорога – это прежде всего разговор с самим собой, но слишком часто поездка куда бы то ни было превращается в нечто бесплодное и холостое, потому что желание увидеть больше всегда становится соблазном, а значит и преградой, не оставляющей возможности по-настоящему погрузиться в атмосферу, культуру и реальность нового места. Вот этой способности на погружение через неподвижность во время движения Розу с мужем и научили книги, поэтому после смерти супруга Белозерская в каком-то смысле приковала себя к одному месту, оставаясь в нём неподвижной – теперь это не было неподвижностью в поездках, это стало неподвижностью молчаливого храма, который самодостаточно обращён в себя, потому что полон своим богом.

Женщина плавала в квартире, как в аквариуме, и едва ли смогла бы ответить, что сильнее всего сдавливало её – густое и жирное, как топлёное молоко, счастливое прошлое или бесплодное будущее? Перенасыщенность светлыми воспоминаниями или прозрачные душевные стенки их оков, которыми ограничено теперь настоящее? Бездетность, смерть мужа или разлитая по всей жизни спокойная и грустная радость человека, ощущавшего себя одиноким только последний год своей жизни, а в остальное время бывшим простодушно счастливым? Роза плутала в этих вопросах, в закоулках времени, не в силах понять, чего в её жизни всё-таки больше: прошлого, настоящего или будущего.

Женщина вспоминала, как незамысловато и пресно начинались их отношения: они познакомилась в продуктовом магазине, стояли в очереди перед кассой, потом случайно разговорились, обменялись улыбающимися взглядами, телефонов тогда не было, а адрес общежития, в котором жила, Роза давать не хотела, поэтому просто на словах договорились о месте и времени встречи, и в этом было так много хрупкости и уязвимости, что ещё больше будоражило – когда Роза думала о том, что вот сейчас в её троллейбус врежется какой-нибудь пьяный идиот или кто-нибудь из них, она или Андрей, подвернёт ногу или попадёт под машину, отравится завтраком, нарвётся на грабителя, и две линии не пересекутся в единой точке больших ожиданий, сильнейших желаний и великих предчувствий. Благо, обошлось без эксцессов, место и времени встречи остались непоколебимыми, оно удержалось на плаву, благодаря усилиям двух людей отмести всё то, что могло бы помешать кому-то из них появиться там и улыбнуться друг другу, через пару дней они действительно увиделись в той Пышечной на Большой конюшенной 25: она пила тогда кофе со сгущённым молоком, он заказал томатный сок, куда щедро сыпанул перца, от чего крепко чихнул – как-то по-щенячьи влажно и очень трогательно. Роза потом неоднократно ловила себя на мысли, что именно с того момента, когда широкоплечий и басовитый Андрей так смешно и незащитно чихнул, и началась её нежность к нему. В ту первую встречу Роза не хотела говорить, что приехала в Ленинград лимитчицей, думала даже соврать, потому что носила на себе этот ненавистный статус, как еврей из гетто – жёлтую звезду Давида. Была уверена: с такой правды могут начаться нормальные отношения только с себе подобным, таким же понаехавшим, нищим и бесправным, какой была она, но узнав, что и Андрей, хоть и коренной петербуржец, всё-таки простой работяга, осмелела и сказала как есть – он отреагировал с полным безразличием.

После этих взаимных признаний, которые тогда казались ей важными, а сейчас вызывали своей трагикомичной нелепостью лишь улыбку сухих поджатых губ, Роза и Андрей просто продолжали жить своими жизнями, проводить вместе всё больше времени, приносить друг в друга всё больше от себя и своего, и так до тех пор, пока миры их интересов и привычек окончательно не ассимилировались друг в друге. Дошло даже до того, что Роза стала разбираться в технике, электронике, двигателях: заземление, законы Кирхгофа, степень сжатия, поляризация, кривошип, плунжер и фазовращатель – стали для неё преисполненными однозначного смысла словами, она стала разбираться в футбольных клубах, смотреть игры Лиги чемпионов и Европы UEFA, турниры КХЛ и NHL, а Андрей в свою очередь полюбил художественную литературу, к которой оказался так неожиданно восприимчив и чуток, моментально улавливая любую фальшь своим не замыленным, как у филолога, взглядом. У них появились общие любимые песни – та музыка, которая принадлежала только им одним, потому что была открыта и прочувствована вместе...

Вместе с тем Андрей не переставал убеждаться, что знает свой родной город значительно хуже, чем его успела узнать недавно приехавшая Роза, поэтому не он ей, а она ему показывала самые интересные и знаковые места – Андрей хорошо знал все районы, названия улиц, дорожные развязки, пути-переулки-склады-предприятия-парковки-магазины-самые хорошие и недорогие мастерские по ремонту обуви, но не замечал уникальности Петербурга, его неповторимого своеобразия, вернее, замечал, но воспринимал как должное, не испытывая на этот

счёт никакого воодушевления. До Розы он жил в городе, воспринимая его исключительно, как лишённую эстетического начала и особой атмосферы инфраструктуру – обездушенное нагромождение зданий, предприятий, заведений, музеев и улиц. Роза научила видеть Андрея прекрасное даже в старых промышленных районах, вдоль Обводного канала или по реке Пряжке, на берегу которой стоит дом Блока – в тот день, помнится, когда гуляли там, пытаясь попасть оттуда в портовую часть, сильно изгваздали одежду каким-то матёрым мазутом, поэтому остаток вечера ходили по окрестным магазинам, чтобы найти нормальный отбеливатель, а потом впервые пошли к Андрею домой. Роза тогда впервые осталась у него на ночь: сначала тщательно отбелила одежду и отмыла обувь, после чего они по очереди сходили в душ, а потом тряслись со смехом и кутались в одеяло, потому что как назло отключили горячую воду. Уже ближе к полуночи женщина вдруг разыгралась, вздохнула Андрея, решив почему-то во чтобы то ни стало постричь его – так, словно всецело обновляла этого мужчину, готовила его пространство для того, чтобы стереть с него следы всех его прошлых женщин, дабы войти в него, как в чистый лист, отдаться и заполнить собой раз и навсегда. Она что-то с упоением рассказывала ему в затылок, стригла его жёсткие волосы и умилялась на эти падающие лоскутки, похожие на шерсть большого и сильного животного.

Сейчас с её пятидесятилетним настоящим Розу связывали только подагра и остеопороз, так называемая повышенная ломкость костей, ещё гипертония, ну и обычные сейчас даже для юных людей – варикоз и гастрит. Вот и получалось, что связующими нитями с внешним миром и улицей были только продуктовые магазины и болезни, необходимость выходить время от времени до поликлиники или аптеки – работать она уже не работала, так только брала иногда бухгалтерию разных фирм на дом, но делала это без старательного стяжательства, а равнодушно – откладывать деньги ей было не на что, она ничего по-настоящему не хотела для себя, не могла заставить себя поехать куда-нибудь одной, наверное, потому что в прошлых поездках с мужем достигла того совершенного упоения и счастья, что теперь, без Андрея, уже не хотелось вымучивать из всех этих новых мест и стран то, что так легко и щедро, так весело давалось тогда им двоим. Детей с Андреем они так и не смогли завести, возможно, именно поэтому Роза в последнее время стала всё чаще уклоняться от встреч с подругами сверстницами – все они без исключения непрерывно рассказывали о своих детях и внуках, а слушать об этом было тяжелее, чем она могла предположить.

Когда Белозерская осуществляла вылазку в равнодушный и суетный мир настоящего, покидая мир своего квартирному храма, она одевалась почти всегда небрежно, серо и обыденно, то ли, чтобы не искушать лишний раз окружающих мужчин, то ли, чтобы не дразнить этим мужским вниманием саму себя. Исключением являлся один день в месяце, выбираемый случайно, по наитию: тогда Роза надевала чёрное вечернее платье, длинные перчатки, шляпу с огромными полями, каблуки, брала свою лучшую дамскую сумочку (если была зима, накидывала сверху шубу), и ехала на встречу со своим возлюбленным – он был похоронен на Большеохтинском кладбище, поэтому последний год места всех их свиданий не менялись. После кладбища обычно заходила в Пышечную на Большой конюшенной, долго сидела за столиком одна, иногда даже до самого закрытия, она просто смотрела в окно, пила кофе и без конца поправляла руками широкие поля шляпы. Иногда к ней подходили мужчины, принимавшие её за проститутку, а те, что были потрезвее и повнимательнее, просто бросали любопытные и пытливые взгляды, думая, что это, возможно, какая-то знаменитость советской поры, которую они никак почему-то не могут вспомнить, наверное, потому что фигура средней величины и хоть её ещё не смыло течением нового времени, но всё-таки уже плотно накрыло покрывалом забвения, как бы она этому не противилась. Во всём её виде было что-то парадно-трагичное, а главное, ощущался дерзкий вызов и какой-то маниакальный перфекционизм, последнее усилие, почти рывок – точно так выглядят офицеры, надевающие парадный мундир перед тем, как пустить себе пулю в лоб...

Зимой на кладбище приходила на пару часов, летом, бывало, проводила вместе с мужем полдня: Роза знала – многие из работников кладбища считают её сумасшедшей, по крайней мере, постоянно ловила на себе их косые взгляды, но взгляды живых ей были безразличны, её гораздо в большей степени беспокоило то, что лица умерших людей воспринимаются ею, как нечто родственное и значительно более близкое, понятное и осязаемое, чем лица живых – все эти потусторонние люди, скованные контурами своих снимков, взирали на неё с прямоугольников и овалов, как из окон многоквартирного запечатанного дома. Попадались здесь и неприлично новенькие, какие-то вычурно яркие снимки над неуместными, похожими на свежевспаханые огороды, могилами, от их аккуратных чернозёмных холмиков обманчиво веяло плодородием и жизнью, но больше всё-таки было выцветших, линялых снимков и полуистёртых могил, каких-то отринутых и помятых – почти растворённых в своём ландшафте, слившихся с кустарниками и травой. Такие напоминали перегнутой, сквозь щедрую силу которого прорастают новые поколения, новые чувства и сны; Роза смотрела на окружавшие её могилы, как на вселенские дрожжи, без которых жизнь каждого нового дня не сбродилась бы в такое плотное и сытное тесто, а энергия каждой новой ночи – в терпкое и обжигающе насыщенное вино.

Особенно Роза любила бывать на кладбище весной, когда сквозь разлапистые цветущие ветви, как сквозь витиеватые и громоздкие фразы нет-нет, а проклёвывался щедрый смысл мироздания. Птицы ликующе горланили, отпевали лежащих на этом погосте, сирени и яблони пестрели праздничными кружевами, размахивая гроздьями цветов, как опахалами, вот и женщина шла по узким петляющим зелёным тропкам, воодушевлённая и томная, как перед встречей с любимым после долгой разлуки, впрочем, так оно и было... Одной только весной приподнятость её настроения не казалась кощунственной, она сливалась с торжествующим духом природы, образуя с ним единое целое: весна не знала траура даже на кладбищах, жизнь набухала, сквозила отовсюду, наливалась соками и распространяла среди могил свой благоуханный и счастливый чад цветения. Весной утреннее солнце нависало над миром материнской кормящей грудью, щедрым, лучезарным и священным божеством, тогда как зимой низкое обесцвеченное небо, казалось, ничком падало на заснеженную землю, уткнувшись своим немощным бельмом-светилом в городское кладбище, словно ледяным стетоскопом ощупывая пульс этого обездвиженного и мёртвого, присыпанного хлоркой земного тела. Похожее настроение царило на кладбище поздней осенью – после опадания листвы могилы становились пугающе обнажёнными, они лишались алтарного ореола и воспринимались, как низвергнутая во прах телесность – обглоданная кость и сгнившие доски, только это.

Зимой и осенью эмоции Розы, её наряды казались верхом неприличия – люди оглядывались на неё, как на безумную. Вот и мужа хоронили весной, может быть поэтому иногда ей казалось, что он жив, потому что вспоминая похороны, Роза не видела перед собой ничего, кроме этих самых яблонь и сиреней, залитых солнцем ослепительного тёплого дня, в который птицы пели громче, чем плакали люди, следовавшие за гробом, а затем выстроившиеся вокруг могилы. Даже свадьба вспоминалась Розой в более мрачных красках, хотя бы потому, что тогда между ними произошла тяжелейшая ссора – родная сестра мужахватила лишнего и стала кричать за столом, в первой стадии опьянения:

– По-моему, свадьба не задалась.

Во второй стадии:

– Андрюша мог бы получше найти, побогаче, покрасивей...

В третьей:

– Да она же с тобой только ради прописки питерской, Дюша, опомнись! Тебе только свистнуть, бабы на шею мешками вешаться будут!

После разразившегося скандала, возмущённых упрёков-слёз Розы и оправданий Андрея, как-то так получилось, что в пылу взаимных обвинений, новоиспечённый муж вдруг совер-

шенно взбесился, сорвался и выбросил обручальные кольца в окно их третьего этажа, распахнутого в чёрную шумную и многолюдную улицу, после чего у Розы проснулось хладнокровное понимание того, что на данный момент она единственная, кто может спасти их молодой брак от всей этой пьяной истерики, от кривотолков и сплетен, поэтому молча накинула на свадебное платье своё зимнее пальто, выбежала во двор, прошла через арку, нащупала глазами окно, и почти сразу нашла под ним кольца в не растаявшем ещё сугробе – утопленные в снег, они лежали друг на друге, как новобрачные, почти в обнимку, хоть и облепленные царапающим руку жёстким обледенелым снегом, но всё-таки крепко-накрепко слитые воедино, присыпанные белоснежной пылью, сквозь которую пробивалась сверкающая желть теплокровного золота 585 пробы...

Сегодня Роза проснулась достаточно рано, слишком рано даже по собственным меркам, открыла глаза около пяти часов утра, после чего долго не вставала, не могла оторваться от проступающих очертаний блокадной печки – устала на этот слепой прямоугольник с каким-то гипнотическим упорством, почти не моргая, шмыгала носом и всё сильнее поджимала под себя ноги. Часам к семи скинула с себя одеяло и выбралась из постели, накинула халат на плечи. Прошла в ванную, умыла лицо, помыла голову, вышла в коридор, взяла фен и стала сушить волосы, трепать свою неумолимо седеющую шевелюру, которую снова нужно было подкрашивать. Выключив фен, Роза остановила взгляд на большой напольной колбе, высотой метра полтора, которая была до верха заполнена винными пробками. Пробки они с мужем собирали всю свою совместную жизнь, и никогда не бросали в колбу чужих, тех, которые им часто приносили гости, обратившие внимание на эту своеобразную традицию. Роза и Андрей всегда благодарили гостей за подобную любезность, но после их ухода всегда выбрасывали – это был их бокал, только их и никого больше. Сейчас, глядя на него, Роза чему-то вдруг весело улыбнулась. Тоска отступила, женщина перестала чувствовать себя одинокой, а жизнь – изжитой.

Расплываясь во всё более широкой улыбке, расчесала волосы, поправила распахнувшийся халат и пошла на кухню, чтобы приготовить себе завтрак: перед плитой стоял Андрей, он варил ей кофе. Роза подошла сзади и с благодарной нежностью прижалась к нему, уткнулась носом в его лохматый седеющий затылок, который она стригла в их первую ночь, и осознала вдруг, насколько она счастлива, насколько всё-таки щедра к ней жизнь, насколько много любви и жизни она успела познать.

Подоконник, заставленный горшками с розовыми пионами, заливало утреннее солнце: его лучи заставляли щуриться и улыбаться шире.

Stabat Mater Dolorosa

В «пенсионерский посёлок», расположенный неподалёку от финской границы в нескольких километрах от станции Гимольская, ходил пучеглазый ПАЗик – выражением своих фар он напоминал усталого, добродушного и грязного пса, которому отдавали лапу. Маршрут пролегал через две близлежащих деревеньки: летом автобус проходил здесь раз в день, зимой – два раза, утром и вечером. Сами же поезда направления «Петрозаводск-Костомукша» с двухминутной стоянкой на станции Гимольская ходили ни много ни мало раз в трое суток, но даже если кто-то добирался в эту карельскую глушь на собственном авто, всё равно неизбежно приходилось двигаться по единственному маршруту, по «дороге жизни», как её прозвали старожилы, а это значит, что все прибывшие неизбежно потом проходили по единственной тропинке, протоптанной от пятючка остановки к четырём потрёпанным и выцветшим панелькам. Вот на эту самую тропинку и смотрела мать Дениса Печорина (его ник в [instagram](#)¹ и [TikTok](#): [Disa_Pechorin2001](#), 18 млн подписчиков, 870 млн лайков), живущая на первом этаже одного из четырёх домов.

Она смотрела в ту сторону почти без конца, вот уже пять лет, с перерывами лишь на быт. Все соседи давно уже привыкли видеть в окне первого этажа это бодрое и румяное лицо с пытливым и нежным взглядом, взирающим на всех, кто проходил мимо. От её не по годам молодых и здоровых русых волос с редкой благородной сединой веяло домашним теплом. Обычно женщина заваривала крепкий чай, усаживалась напротив окна своей кухни, и начинала смотреть, прикованная к окну своим свежеспечённым уютным и добрым лицом, как к экрану телевизора – так внимательно и порабощённо, словно разгадывала ребус или читала страницы Священного Писания. Своих машин здесь среди местных было раз-два и обчёлся, поэтому любой приезжий сразу обращал на себя внимание. В каком-то смысле мать известного блогера выполняла в посёлке функцию привратника или, если угодно, погранзаставы, авангардом которой являлся продуктовый магазинчик на остановочном пятючке. Трясущаяся от ветра остановка, скроенная из профлиста – эти листы оцинкованной стали, крашенные серебрянкой, быть может, ещё при Горбачёве, а потому теперь так жестоко исхлестанных ветрами, дождями, испещренные дырами и изъеденную временем, напоминали своим общим видом нечто среднее между китовым скелетом и разорённую монголо-татарами деревню.

Рядом с этим пугалом остановки стоял маленький опрятный торговый павильончик, обитый пластиковыми панелями, который сильно выделялся на фоне это застарелого проржавленного чудовища, похожего на давно затонувшую кабину какого-нибудь крейсера времён Первой мировой войны. Две этих постройки очень дополняли другу друга: покорёженная и избитая остановка напоминала людям о тягостном российско-советском прошлом, а обитый благополучным, но дешёвым пластиком магазинчик был устремлён в далёкое и светлое капиталистическое будущее, с той лишь оговоркой, что внутри магазина сразу при входе имелась настоящая железная клетка – то есть стоило войти внутрь, как ты оказывался в клетке-предбаннике: в средневековье за такими внушительными прутьями содержали беглых каторжан и арестантов, а с XVI по XVII век отправляли из Бахчисарая в Османскую империю рабов-славян – русских, поляков и украинцев, пленённых во время почти трёхвековых набегов со стороны Ногайской орды и Крымского ханства, всего около двух миллионов человек. Продавщица подходила к клетке, спрашивала, что именно принести, брала деньги и шла за товарами, а покупатель оставался ждать, сжимая пальцами толстые прутья своей временной неволи, не то чувствуя себя серийным убийцей, приговорённым к пожизненному заключению, не то поминая непростую, полную зловещего лиха историю своего народа и его подчас невольнической судьбы. Деньги

¹ Здесь и далее Instagram (Инстаграм) – организация, запрещённая на территории России.

продавщице приходилось просовывать в специально предназначенное для этого оконце – точно такие же используются в тюрьмах для того, чтобы ставить туда баланду, кружку и пайку хлеба, с той лишь разницей, что в современных тюрьмах стены были не зарешеченные, как здесь, а всё-таки сплошные. Возможно, что клетку поставили от алкашей из двух соседних деревенек, а может быть всему виной местная медведица, по прозвищу Вера Степановна, которая несколько раз пыталась войти в магазинчик, учуяв там запах съестного. В этом смысле никто никогда не сказал бы вам, даже сама продавщица Нюра-неизменная хозяйка этого киоска, от кого всё-таки в действительности поставили клетку – от медведицы или от алкашей, поэтому данный вопрос всегда оставался дискуссионным.

Хмурые двухэтажные панельки посёлка больше походили на брошенные в эпоху перестройки казармы, чем на жилые дома, данное впечатление отчасти было справедливым, потому что в советское время эти многоквартирные панельки построили для семей личного состава военного аэродрома, который сейчас уже давно зарос мхом, лопухами, крапивой и буреломом. Военнослужащих давно сократили, аэродром расформировали, а самолёты, весь цветмет и горючесмазочное изобилие растащили по карманам – теперь военный городок бывшего употребления заселяли одни старики, отсюда и название посёлка: «пензионерским» его прозвали сами местные, потому что всё его население, кроме продавщицы Нюры, составляли старики, дети и внуки которых перебрались в города – в Петрозаводск, Эстонию, Петербург или хотя бы Сортавалу. Кто-то из молодых навещал своих предков чаще, кто-то реже, но многие не приезжали никогда, никогда, никогда. Вот и двадцатиоднолетний инстаграм-блогер и тик-токер Disa_Pechogin2001, в среднем зарабатывающий в месяц около двух миллионов рублей, уже пять лет не проходил по этой тропинке – с тех пор, как он уехал отсюда под предлогом поступления в университет (поступить он в конечном счёте, понятное дело, никуда не поступил), его нога больше не ступала по этой тропинке, на которую так внимательно все эти годы смотрела его мать, смотрела и пила свой горький, крепко заваренный чай. Даже местная медведица Вера Степановна навевалась в посёлок чаще блогера – летом она не представляла опасности, а вот весной, только после спячки, да если ещё и с медвежатами, пожилые и хромающие жители «пензионерского посёлка» так бежали при виде Веры Степановны, шагающей бок о бок с кругляшами-дитёнышами, что только пятки сверкали, хрустели непривычные косточки, да гулко падали тяжёлые тросточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.